

КОРОВА – МАТЬ: КЛЮЧ К СЮЖЕТУ “КРОШЕЧКА- ХАВРОШЕЧКА”

Светлана Адоньева – д.ф.н., филолог, антрополог, профессор СПбГУ, директор АНО “Пропповский Центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры”.

“Сказка есть как бы всенародная тема для личного сновидения”. (Ильин, 1993, с. 232)

Сюжет “Крошечки-хаврошечки” в Сравнительном указателе сюжетов “Восточнославянская сказка” (СУС) описан так:

541. Чудесная корова: сирота должна пасти скотину и делать непосильную работу; ей помогает корова; хозяйские (мачехины) дочери (одноглазка и трехглазка) подсматривают и добиваются того, что корову убивают; из косточек коровы вырастает дерево, плоды которого может рвать только сирота – перед другими ветви поднимаются вверх; сирота становится женой царевича.

Русс. Погудка, I, 4, с. 3-16; Афанасьев, 100, 101; Худяков, 16; Ефименко, 3; Садовников, 65; Кавк., 1893, XVI1, с. 181-194; Чернышев, Материалы, 145, с. 114-120; Жив. ст., 1903, IV, с. 480-481, 1912, II-IV, с. 287-289; Ончуков, 129; Зеленин, Вят., 14; Смирнов, 41; Калинин, с. 116-117 (II); Куприяниха, 2; Чернышев, 56; Тумилевич, 1961, (7); Кругляшова, 5; Балашов, 130; Ск. Приморья, 71; Сими́на, 42; Митропольская, 47; Прибалт., 82.

Укр. Кулиш, Предания, с. 81-82 (=Кулиш, Записки, с. 23-26); Рудченко, II, (16, 18); Драгоманов, 35, с. 361-362; Чубинский, II, 138, 141, 142; Zdziarski, 7; Левченко. 563; Возняк, 1, с. 69-71, II, с. 18-20, III, с. 23-29; Пушик, с. 59-61.

Бел. Glinski, I, II; Романов, III, 59а, с. 289-292 и вариант, с. 292, 596, с. 292-295 (=БНТ, 1, 151); Добровольский, 88, с. 153-154; Шейн, 47, с. 91-92, 49, с. 94-97, 50, с. 97-98; Karłowicz, XI, 12; Kolberg, Basni, 4, s. 204-205 (=Kolberg, 1968, 7, s. 456-457); Weryha, 15; Federowski, II, 43,44 (=БНТ, 1, 149, 150); Barag, 23 (=БНТ, II, 49); БНТ, II, 50; Анічэнка, с. (36-39), 153-155.

Ссылки на издания, в которых опубликованы варианты этой сказки, демонстрируют ее популярность в восточноевропейской традиции, ее вариантов много, но большинство отечественных читателей знает этот сюжет по изданию “Народных русских сказок” А. Н. Афанасьева (№ 100), тиражированному многократно. О мифологии образа коровы также написано очень много (Мифы, I, 1991-1992, 203; Славянские древности, 2, 602). Я же хочу поделиться контекстами иного свойства, но для того, чтобы было понятно, как именно они связаны со смыслами, потенциально кроющимися в общеизвестном сюжете, предварю свое эссе кратким теоретическим введением.

Предлагаемый способ интерпретации фольклорно-этнографических текстов, предполагает их рассмотрение в качестве особых семиотических инструментов, организующих поведение (горизонт ожиданий и сценарии) и биографию (способы понимания своего прошлого). Ритуалы и фольклор служат для смысловой “работы” с психическим, с определенными состояниями сознания, в частности с состояниями возрастными, определенным личностным ростом.

Сказочные символы для слушателя-ребенка – пустые обра-

зы. Лиса, колобок, медведь, волк для только что овладевшего речью – имена собственные. Персонажи, действующие под этими именами в сказках, обнаруживают определенную семантику в своем действии и за счет действия закрепляют ее за именем. Слова размечают картину мира до того, как мир познается опытом. Символическая форма не только называет имеющийся психический опыт, но и прогнозирует будущий, создавая смысловые кластеры. Такое представление о функции вербальных знаков совпадает с концепцией Сепира, по которой человек воспринимает мир в категориях родного ему языка (Sapir, 1929, 211). В полной мере это касается и его доступа к собственному внутреннему миру. Аккумуляция семантики культурных символов происходит за счет последовательной разметки меняющегося с возрастом психологического пространства. Культурная традиция втягивает в себя человека постепенно, раз за разом, через посредство предлагаемых ему рассказов старших предлагая ему общие “имена” для индивидуальных переживаний. С течением времени-возраста один и тот же сказочный символ-образ адресует слушателя сказок к различным жизненным перипетиям, связывая их и тем самым разрабатывая первоначально пустую форму в направлении семантической глубины. Так, например, сюжеты сказки о коте, петухе и лисе (СУС 61В), слушателями которых были маленькие дети, – протосюжеты для волшебных сказок о мальчике и ведьме – “Терешечка”, “Ивашка и ведьма” (СУС 327 С, F), основной аудиторией слушателей которых были дети постарше – 6–10 лет. В протосюжете герой-жертва – петушок¹. На него, нарушившего запрет, посягает женский персонаж – лиса, прельщая его угощением или приглашая к себе погостить: “мне

1 В севернорусской диалектной речи “петушок” – эвфемизм, используемый для обозначения мужского полового органа. Так в другой сказке – о глиняном мальчике, которую рассказывала нам исполнительница при своем семилетнем внуке, она, смеясь, вспоминала, что внук, слушая как бабка с дедкой делают себе глинышка, не забывал напоминать, что кроме ручек и ножек ему придела-ли и петушка. “Сказке конец, а кто слушал молодец. Вот я Максиму и говорю. А он все: “Бабушка, петушка-то прилепили?” (Запись 2002 г. Сделана в д. Тимино Роксомского сельсовета Вашкинского района Вологодской области от Епишиной Марии Герасимовны).

хотелось, чтоб ты у меня погостил, моего житья-бытья посмотрел и на мое добро поглядел” (Афанасьев, 1, 1985, 48). Спасает его другой мужской персонаж – кот, между котом и петухом отношения как между старшим и младшим². В сказках о мальчишке и ведьме герой оказывается во власти женского демонического существа также из-за нарушения запрета старших, но избавляется от него самостоятельно при помощи собственной хитрости. Та же история – слушание, похищение мужского персонажа женским старшим персонажем и угроза жизни – мальчикам постарше рассказывается по-другому. Петушок становится Ивашкой, Лиса – ведьмой, с которой он учится справляться сам, но пока – хитростью, то есть – используя тактику слабого. В сказках для подростков эта история занимает место предварительного испытания героя: баба-яга, старуха или ведьма, в избушку которой попадает герой, отправившийся на поиски суженой, уже не опасна ему, она дает советы и помогает (Афанасьев, 1, 1985, 289).

Но если в своих повествовательных схемах сказки универсальны, то их образы, до того как начать набирать метафорическую глубину, плотно встроены в жизненный мир того сообщества, где они бытуют. О сером волчке и коте-котонае младенцу поют еще до того, как он научится говорить. А когда деревенская семья переезжает в новый дом, первыми выпускают кота и петуха, следом заходят дети (так нам рассказывали в вологодских и архангельских деревнях):

“А в дом заходишь, тоже просишься, да тоже кто кота, кто петуха, у кого что есть, в первую очередь. Сами не заходят. Кто кошку, кто что”.³

2 Ср. в святочных песнях-гаданиях: “кот кошку звал на печурку” – к свадьбе. (Шейн, 1899, № 504). Об эротической семантике сказок о животных: (Адоньева, 2001, 5–18).

3 3 ФА СПбГУ, Леш20-276. Зап. от Лидии Федоровны Лешуковой, 1942 г.р., ур. д. Семжа, в д. Лебское Вожгорского с/с Лешуконского р-на Архангельской обл. 10.07.2012 г. А. В. Степановым, А. А. Гавриленко, DAu12-007_Arch-Lesh_12-07-10_LeshukovaLF_2.

Образы, которые использует сказка, приходят из того мира, который окружает рассказчиков и слушателей непосредственно, это мир ближайших вещей и повседневных слов. Символами они становятся постепенно. О том, какой опыт за ними стоит, какое место он занимает в биографиях людей, их поведении и разговорах, я и хочу рассказать ниже на примере разговоров о корове, которые мы вели во время своих полевых исследований в вологодских деревнях.

***Вологодская область, Вашкинский район,
полевые наблюдения 2001–2002 годов***

Переписывая статистику в сельсовете, я разговорилась с женщиной, которая работала там бухгалтером. Красивая сорокалетняя женщина была матерью семилетнего сына и женой местного “главы”. У ее мужа это был второй брак, что горячо обсуждалось и осуждалось деревней. Осуждалась, разумеется, она, жена. Но с ней мы говорили не об этих обстоятельствах ее деревенского житья-бытья. Женщина жаловалась на то, что муж заставил ее взять корову. Они достаточно зарабатывают, всегда могут купить молоко или мясо. Для того, чтобы понять ее возмущение, нужно представить себе, что значит “держат корову”.

Хозяйка всегда должна вставать в 4–5 часов утра, она никогда не уезжает из дома, так как корову надо доить, а это делает один человек в доме. Сенокос – тяжелейшая работа в июльскую жару, когда встают со светом и возвращаются с покоса ночью – выполняется семьей, потому что есть корова. Иными словами, содержание коровы меняет жизнь семьи и, главным образом, хозяйки, так, как меняют стиль жизни дети. Пафос моей собеседницы был определен тем, что такая работа не была связана ни с какой практической потребностью.

Зачем обеспеченный и занимающий высокую должность муж заставил свою жену заниматься коровой? Это был тот вопрос, который у меня возник после беседы. Ответ на него я стала искать, слушая истории о коровах внимательнее.

В соседней деревне, как нам сказали, жила женщина, которая умела рассказывать сказки. Сухонькая, с пронзительно яркими голубыми глазами, женщина перемещалась по деревне с такой скоростью, что мы занимались ее поисками несколько часов: когда мы приходили в указанное односельчанами место, дабы ее найти, она исчезала. Наконец, после нескольких кругов по деревне и окрестным лугам, мы застали ее дома. Надежда Ивановна вышла к нам на завалинку побеседовать. У нее четверо взрослых детей, внуки. Неженатый на пятом десятке сын живет с нею. Старшая дочь вместе с мужем живет рядом, в той же деревне, работает дояркой. Младшая дочка, учительница, приезжает с сыном на лето, у нее тоже дом по соседству. Когда мы зашли к ней, она рассказала, что купила этот дом, чтобы жить летом рядом с мамой. В доме Надежды Ивановны гостил также и пятилетний мальчик, которого она “прихватила” из местного райцентра от родственников в деревню на раскорм – “больно заморенный в городе”. Младшие ветви ее родового древа были при ней и вокруг, живы, здоровы и, за исключением неженатого сына, с потомством, и было видно, что она этим гордится. Выяснилось, что скорость ее перемещения была связана с тем, что корова с теленком не пришла домой после ночного выпаса. Ей пришлось искать их по деревне. Зачем восьмидесятилетней женщине, живущей в окружении детей, у которых есть свое хозяйство, скот, которые любят ее и заботятся о ней, держать корову, а, следовательно, нести на себе тяжкие заботы, с этим содержанием связанные? Когда она говорила о корове, – а к этому времени кроме нас уже собрались слушатели – зять, парнишка-родственник, одна из дочерей – в ее глазах был какой-то особенный веселый и значительный блеск: “А что, мне 79 годов, а вот корову держу”. Ее речь была очень яркой, я спросила ее о замужестве:

– Пришел с войны, я и пошла за него замуж.

– А свадьба была?

– Собака собаку вела и спать поклала! – Пояснила: Самоходкой вышла. В эти годы какая свадьба! Мы мох ели.

– Родителей спрашивали? – поинтересовалась я, потому что выйти замуж “самоходкой” означало, как известно, без спроса у родителей.

– А как же. Как я вышла замуж? Мы шли из Шубача, с праздника Обульской Божьей матери. Гуляли столько годов. Замуж вышла, пришла к свекровке жить, она меня хорошо приняла. Я была бедная, он – бедный. У него рука правая не отгибалась: с войны пришел. Я ее на “ты” называла. Ребята стали подрастать, купили домик. Потом муж перевел бороны в большие хоромы.

– Так он умер? – задала я свой дурацкий вопрос, потому что не сразу сообразила, о каких хоромах и боронах речь.

– Совсем молодой.

Одну сказку она все-таки рассказала, но больше в то лето нам с ней встретиться не удалось. Когда мы приехали на следующий год, узнали, что ее неженатый сын зимой умер, она горюет, и приставать к ней с нашими разговорами я не решилась. Но, встретившись с Надеждой Ивановной в деревне, мы поговорили немного, из разговора я узнала, что корову она хотела было зарезать после смерти сына, а потом подумала и взяла еще одну. Разговор о корове в действительности был разговором о ее социальном статусе большухи: об особой женской состоятельности, на которой Надежда Ивановна настаивала, материнской, матёрой, кормящей, заботящейся.

Я вновь вернулась к истории жены главы местной администрации. Деревенский муж заставлял жену “обряжать” корову (уход за коровой на вологодчине называют “обрядом”), потому что тем самым она должна была завоевать статус хозяйки, большухи (Olson, Adonyeva, 2013, 44–90), среди прочих большух деревни. “Бескоровное” житеье оставляло ее в статусе молодухи, следовательно, дискредитировало и его собственный мужской статус – хозяина-большака.

В деревне у большака не может быть жена-молодуха, то есть не важно, каков ее физический возраст, важно, как она себя ведет. Отсюда и повышенное внимание к возможности выйти

замуж за вдовца: девушки на святках гадали о том, за кого выйдут замуж – за “вдовца” или за “молодца”. Если девушку сватал вдовый мужчина, для нее это означало, что в дом она приходит хозяйкой, а не невесткой. Это обеспечивало с одной стороны свободу и самостоятельность, с другой – ответственность, тяжелый труд и невозможность покрасоваться в “молодках”: в отличие от старших женщин молодки принимали участие в праздничных гуляньях неженатой молодежи, им пристало ярко одеваться.

Вернемся к историям о коровах. Меня интересовал вопрос о магии введения нового скота на двор. У одной из жительниц той же местности я спросила:

– Новую корову как вводили?

– Подведем ко двору, заведем коровушку во двор, а эти следки, которые она... “Ходи домой, это теперь твой дом. Живи спокойно”. За ней туда и бросаешь, след. Вот мы, например, со свекровушкой коровушку покупали. Она – на двор, а мне: “Тонька, – говорит, – ты следочки кидай!” Вот так, вот такие, девочки, дела. Как вышла в Якунино (замуж) – три коровы на моем веку.

Свой взрослый женский “век” (от замужества) Антонина Ивановна отсчитала коровами. История эта важна и тем, что из нее видна роль свекрови в навыках коровьего “обряда”. Навыки “большины”, и хозяйственные, и магические, женщины получали не от матерей, от свекровей, они становились их патронами на пути к высшему женскому статусу.

Приведу в качестве примера отрывок из моего интервью с женщиной 1931 г. р., жительницей одной из деревень Белозерского края:

“На Егория скотину положено обходить. Иконку Святого Егория повесишь над воротами, по солнышку обойдешь скотнику и святой водой покропишь. А в Великий четверг, перед Пасхой, хвостик обрезали у коровы. Бросишь в стайку в хлев, в навоз. У нас свекровь, скотина как заболит, помогала. Мастит у коровы, грудник, она какие-то слова говорила, волосами про-

ходит своими, волосы длинные были. Ко скотине понимала. Хлев когда застают, меня учила, на новое место переходят, в новой дом, спрашиваются у хозяина. Там, говорят, надо во все четыре стороны, в четыре угла поклониться:

Хозяин, хозяйшка, малые детушки!
Вот ваше дитяtko.
Поите, кормите, баско водите”.

Следующее наблюдение сделано мною в другой деревне Белозерского края двумя годами ранее. Иду вместе с одной из деревенских женщин на посоктину – загороженное поле у деревни, где пасется скотина. Я пришла к ней домой по предварительной договоренности: нам сказали, что ее приглашают “обряжать” покойников (для подготовки тела к похоронам используют тот же глагол – обряжать). О похоронном обряде и шел разговор. Но скоро она заторопилась за телятами, я пошла с ней. И вдруг она заметила: “Последний год корову держу!” Она посмотрела на меня при этом как-то особенно, с подвохом, как будто бросила какой-то пробный камень и с интересом ждет моей реакции. Мы явно говорили не о корове, а о чем-то еще, мне неизвестном. Тем не менее, я спросила: “Почему?” Вопрос ее разочаровал – реакция была неправильной. Она была мною недовольна, утратила ко мне всякий интерес и от дальнейших бесед отказалась. Суть интриги мне стала понятна позже, когда за три недели участия в деревенских разговорах мы узнали, что эта 67-летняя женщина живет с любовником, “сожителем”, который младше ее на 25 лет и которого она “увела” у молодой жены. Решение не держать корову – признание своей старости, снятие с себя бремени “большины”, перемещение в следующий возрастной класс – “старухи”, и, вместе с тем, это признание завершения сексуальной жизни. Отказ от содержания коровы – не только экономический, но символический акт. Решение признать себя старухой, отказавшись от коровы, – при молодом любовнике, – нонсенс. Декларацией своего желания отказаться от коровы женщина проверяла меня на знание конкретной ситуации и общую “женскую” компетентность. Я проверки не выдержала. Я не знала, что стоит за этим высказыванием. Собственно, предположение, что за этими разговорами про

коров что-то стоит, возникло после таких коммуникативных провалов. Они не всегда были такими конфликтными как вышеописанный случай, но, не понимая эмоционального накала рассказа о последней корове или ламентаций по поводу тяжести ее содержания, я теряла контакт с моими собеседницами.

Одна из моих деревенских собеседниц (мы встречались каждое лето в течение десяти лет) готовилась к переходу на “бескоровное” существование постепенно. Сначала она только говорила об этой необходимости, но, приезжая на следующее лето, я обнаруживала, что корова – жива и теленок имеется. Разговор вновь обращался к ее сожалениям по поводу необходимости отказаться от коровы. Через несколько лет это все-таки произошло и, рассказывая об этом, Людмила Ивановна плакала.

Итак, я полагаю, что “корова” для моих деревенских собеседниц – метафора их социального статуса – большухи (хозяйки).

Близкие человеку вещи – животные, растения, орудия труда – в общем, предметы, вещи – окружены плотной сетью повторяющихся практических действий, связывающих человека и вещь в оперативное целое. Объекты нашего владения и ответственности – дома, земля, машины, кошки и собаки, компьютер или цветы – существуют при условии постоянного поддерживающего их поля практики хозяина, владельца, опекуна, патрона и так далее. Эти объекты структурируют время его жизни и притягивают к себе определенное количество его сил. Выбор в пользу владения чем-либо, несомненно, затратный. И он не свободен. Общество требует от своего члена тех практик, которые характеризуют его место в этом обществе. В русской деревне хозяйка (жена домохозяина), распорядительница в доме должна содержать корову. Содержание коровы, уход за нею (“обряжаться” – поить, кормить, ухаживать за коровой) определяет в этой традиции сроки женской большины. А сама корова становится метафорой этого статуса, и, собственно, женщины, в нем пребывающей.

Но метафору эту узнают задолго до того, как весь опыт и труд обряда/ухода станет известным: кормящая, обеспечивающая,

заботящаяся и подающая жизнь даже в своей смерти корова уже известна членам этого жизненного мира из сказки. Эту сказку рассказывают те, кто уже владеет этим опытом (в том числе и опытом убийства животного, с которым ты взаимодействуешь много лет), тем, для которых это только сказочный образ.

Библиография

1. Электронный архив “Российская повседневность”.
2. Адоньева С. Б. Заветные сказки А. Н. Афанасьева. / Занавешенные картинки. // Под ред. В. Н. Сажина. – СПб., 2001. – С. 5–18.
3. Ильин И. А. Одинокий художник. Статьи. Лекции. Эссе. – М., 1993.
4. Мифы народов мира: в 2 т. – М., 1991–92.
5. Народные русские народные сказки А. Н. Афанасьева. В 3-х тт. М., 1985.
6. Славянские древности: в 4 т. – 1990–2002. Т. 2.
7. Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, суевериях и пр. Т. 1. Вып. 1. – СПб., 1899.
8. Olson Laura J., Adonyeva Svetlana. The Worlds of Russian Village Women: tradition, transgression, compromise. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2013. P. 44–90.
9. Sapir E. The Status of Linguistics as a Science // Language. 1929. 5 (4). P. 207–214.